

«МЫ УЖЕ НЕ ПОНИМАЕМ ГОРЯ...»

блокадный дневник Людмилы Аржановой

(4 октября 1941 — 18 января 1943)

Санкт-Петербург

2020

Людмила Аржанова. 17 июня 1943 г.

Предисловие

Семья Аржановых осталась в блокированном Ленинграде. Глава семейства — Михаил Петрович Аржанов работал водителем в издательстве газеты «На страже Родины», располагавшейся в первые годы блокады на территории Петропавловской крепости. Мама — Клавдия Кузьминична (дев. Алексеева) домохозяйка... На ней держался весь семейный уклад. Оставшись сиротой, она с 8 до 17 лет воспитывалась в приюте Св. Ольги, где была обучена «всем женским премудростям»: прекрасно готовила, шила, вязала и т. д.

Накануне войны их дочери Людмиле было почти 16 лет, отличница в средней школе, и подающая большие надежды ученица музыкальной школы по классу фортепиано у известного педагога Екатерины Алексеевны Фанберштейн. Мечтала стать пианисткой. Все перестроила война. Людмила вынуждена была оставить занятия, и устроится на работу: рабочая карточка спасла жизнь ей и ее матери в самые тяжелые дни войны.

В первые блокадные годы Людмила вела дневник. Не ежедневно и даже не раз в месяц, так, когда нахлынут эмоции и не с кем поговорить. Но этот небольшой дневник, уместившийся в двух тонких школьных тетрадях сохранился. В нем, как и в любом другом эпистолярном источнике той поры размышления о жизни и смерти, о предопределенности бытия, о проблемах блокадного города, и конечно девичьи мечты о любви. Емкость описываемых событий поражает. Здесь немало разных имен знакомых автору, указания на события, происходившие в Ленинграде, чувства и переживания за себя и свою семью.

Отец, М.П. Аржанов, погиб во время блокады в начале 1942 г., просто не вернулся домой, пропал без вести. Даже имени его нигде не осталось... Мать и дочь блокаду пережили.

Война изменила жизнь Людмилы Аржановой. От девичьей мечты стать пианисткой осталось пианино, которое в послевоенные годы переезжало с хозяйкой с квартиры на квартиру, и профессионализм в музицировании. Последний раз Людмила играла и пела для своих друзей почти 15 лет назад, во время празднования своего 80-летия. Ни возраст, ни поредевшие ряды друзей и знакомых не сказались на уникальном таланте. По воспоминаниям ее дочери Ольги, это был «незабываемый домашний концерт».

Судьба Людмилы после войны складывалась вполне благополучно. Закончив в 1949 г. вечернюю школу с серебряной медалью, она поступила в Ленинградский государственный университет на математико-механический факультет. После окончания ЛГУ с отличием в 1954 г. получила распределение на работу преподавателем в Военную академию связи им. С.М. Буденного на кафедру математики. Проработала там 25 лет. «Мои ученики — офицеры — служат по всей стране, от Калининграда до Камчатки. Среди них были офицеры иностранных держав из Китая и Вьетнама; из Чехии и Словакии; из Германии и Польши; из Венгрии и Румынии; из Болгарии и Албании» — написала Людмила Михайловна в анкете в 2004 г., в преддверии 50-летия окончания математико-механического факультета ЛГУ.

После выхода на пенсию работала в вечерней школе, затем в Совете ветеранов войны и труда Красногвардейского района Санкт-Петербурга.

Свой блокадный дневник Людмила Аржанова хранила всю жизнь. Последние десятилетия, когда внимание к истории Великой Отечественной войны интегрировалось в интерес к личности человека, дневники живших в Ленинградскую блокаду, стали появляться в печати. Блокадный дневник Людмилы Аржановой в этом ряду не является исключительным, но он, бла-

годаря глубине чувств автора, включил в себя множество коротких заметок о городе и горожанах, в нем называются имена людей, с которыми Людмиле Михайловне довелось общаться в 1941–1942 годы, узнаваемые ленинградские места... Однако главное в нем — это чувства и эмоции 16-летней девушки, у которой осенью 1941 г. «кончилось детство»...

Дневник изначально был написан в двух школьных тетрадках (в линейку), первая из которых была «разобрана» автором дневника. Ею были изъяты некоторые страницы, на которых по ее мнению находились слишком эмоциональные высказывания. Другие страницы первой тетради были склеены между собой. На сегодняшний день из первой тетрадки сохранилось 9 листов (15 заполненных страниц). На некоторых листах сохранилась авторская нумерация. Тетрадь не предназначалась для дневника: для этой цели была взята начатая ранее, так как на последней странице составлен список названий, вероятно, театральных пьес и кинофильмов, которые автор планировала посмотреть, или уже посмотрела. К блокадному дневнику этот список отношения не имеет, однако, сам по себе он весьма любопытен (список приведен в комментарии).

Записи второй тетради сохранились лучше (12 листов, 23 страницы), здесь также имеется самостоятельная нумерация листов. Однако концовка дневника была уничтожена автором. Все записи сделаны чернильной ручкой (черные и фиолетовые чернила).

В дневнике хранилось письмо подруги Аси в Ленинград, датированное 1943 г. (приводится полностью в конце публикации). Публикация блокадного дневника сопровождается семейными фотографиями, любезно предоставленными Л.М. Аржановой.

Татьяна Сохор

4/X [1941 года] — суббота

Все личные интересы отошли на второй план перед общей опасностью — занятием немцами Ленинграда. Они стоят около самого Ленинграда, и у нас все время слышно, как стреляют из дальнобойных наши, из Кронштадта, и немцы по нашему городу. Начиная с седьмого сентября почти каждый день, они бомбят город. Погода, как на грех, стоит хорошая; удивительно сухая осень и мы каждый вечер ждем бомбардировок. Днем он сбросил бомбу всего один раз, а так все больше вечером. Днем он сбросил бомбу в дом, напротив Пушкарских бань¹, а я тогда была в школе² и смотрела из окна. Наша школа такая здоровая, что даже не пошатнулась. Я видела этот самолет, который сбросил бомбу. Через несколько дней после начала бомбардировок они начали обстреливать Кировский район из орудий. Этот район эвакуировали к нам на Петроградскую сторону³. До нас еще снаряды не долетают. 9/IX в 9 ч. 30 м. загудела тревога, и мы хотели идти в подвал, но не успели... раздался взрыв, дом наш зашатался, и где-то зазвенели и посыпались стекла. Я, не помня себя, выскочила на лестницу и побежала в подвал. Потом мы

¹ Пушкарские бани (ул. Большая Пушкарская, 22), были открыты в 1877 г. и принадлежали купцу Е.Ф. Овчинникову. После революции назвались Бани № 48 Петроградского района, однако, в народе стойко удерживались названия Пушкарские или Шалапинские. На месте дома, в который попала бомба, в 1961 г. был возведено пятиэтажное здание, в котором долгие годы находился Петроградский узел связи.

² Неполная средняя школа № 8, находилась на первом этаже дома, расположенного на пересечении ул. Полозова, 2 / Большого пр., 64–66 / ул. Ленина 11. Построено в начале 1910-х годов по проекту архитектора Г.Г. фон-Голи. После войны школа становится средней и получает № 49. Закрыта в 1971 г.

³ Некоторые семьи переселяли из прифронтовых районов города — в центральные.

узнали, что [на] угол Зелениной и Геслеровского¹ было сброшено 3 бомбы и разворотило все дома на перекрестке. Мы ходили туда смотреть. Я тогда испугалась, а потом я привыкла. Несколько дней спала по два или по три часа и в постоянной тревоге. Я привыкла спать, наполовину одевшись, и всегда готова соскочить с постели. Ко всему привыкаешь, и я стою на улице во время тревоги и слушаю, когда полетит самолет. У них такой противный гул, не то, что у наших. Сначала далеко, потом гул нарастает, а с ним и стрельба из зениток, и когда он уже совсем близко, тогда я иду в подвал. И мне совсем не страшно, хотя я не могу отвыкнуть от инстинкта сразу бежать, когда, начинает стрелять близко зенитка. Если бомба попадет в наш дом, то мы все равно погибнем. Сегодня первый раз в течение ночи было три тревоги, но я слышала только последнюю. Как хорошо спать и ничего не слышать! Когда сидишь дома, и слышишь, как летит самолет и стреляют зенитки, то какое-то гнетущее впечатление и хочется спрятать голову, вобрать в плечи и ноги сами по себе подгибаются и надо иметь силу воли чтобы сидеть дома. Стоять же на лестнице у выхода на улицу совсем не страшно. Это, конечно самоуспокоение. Я все время держусь такого мнения: чему быть тому не миновать. Живы останемся — хорошо; умрем — значит так надо. Положение у нас не из завидных, потому что Ленинград почти окружен. И вот сейчас особенно следишь за политикой и за ходом войны. У нас понемногу эвакуируют, но уезжать отсюда я и не думаю. Я немного горжусь, что я в такое время нахожусь в Ленинграде. Я думаю, как мы потом будем говорить с гордостью «Мы — ленинградцы». Я и в мирное время больше всех городов любила свой город, а сейчас особенно. Я думаю о том, как мы будем рассказывать о нашей жизни, когда вернется Ася. Сколько гордости

¹ Существовавший до войны Геслеровский переулочек, названный в 1871 г. по фамилии землевладельца и гардеробмейстера Павла I, в 1903 г. был продлен от Большой. Зеленина ул. до Большой Разночинной. Геслеровским проспектом он стал лишь 11.12.1946 г. В 1952 г. ул. Пороховская и Геслеровский пр. были объединены и проспект получил имя В.П. Чкалова.

*Людмила Аржанова.
10 декабря 1941 г.*

будет в наших словах! Но у меня закрадывается сомнение; будет ли это, т. е. доживём ли мы до этого? Не знаю. Может быть «да», а может быть и «нет». У нас теперь только две музыки, которые мы слышим по радио. Нам другой и не хочется, и мы никуда не ходим, и ничего не хочется. Всё отошло на второй план, за исключением хода борьбы с немцами. Город живёт одной общей лихорадочной жизнью, всё время ожидая чего-то. Я верю, что наша Красная Армия победит! Зима будет для немцев гибелью!

4/XI [1941 года] — вторник

Так мало прожито — так много пережито! Прошел всего месяц, а я превратилась в это время из девочки в девушку. Я сама почувствовала, что кончилось мое детство. Чудное. Золотое детство! Оно у меня прошло как чудесный сон, без тревог и забот. Я его всеми силами старалась удержать, но... Это невозможно. Я переменялась. У меня столько мыслей, столько забот. Все свои чувства мне не передать. Я совсем хотела бросить писать дневник, но потом решила, что — нет. <...>¹

28/XI [1941 года]

Мне некогда писать, а писать мне хочется. Тогда очень устаю и бросаю, ну, а сейчас, напишу.

С 1-го сентября мы не начали заниматься, и нас все кормили «завтраками». Я, конечно, очень хотела заниматься. Правда, я до учебы думала где-нибудь поработать, но как только будет школа обязательно идти учиться. Работу не так легко найти,

¹ Далее запись уничтожена.

Михаил Петрович Аржанов

Клавдия Кузьминична Аржанова

и я ничего не делала, да и не старалась искать работу. В студии мы начали и бросили учиться. Но с продуктами у нас становилось все труднее и труднее, и я стала серьезно думать о работе (я думала, что школы вообще не будет). И вот меня устраивают на работу с первой категорией на «Электроприбор»¹, и тогда же я узнаю, что начинает заниматься школа, а по музыке — муз. [ыкальное] училище². Я не знала, что делать. Я понимала, что надо идти работать, потому что хлеб все время убавляли, и становилось все хуже и хуже с питанием. И все-таки мне очень хотелось в школу. Мама и папа³ сказали, что надо идти работать.

¹ Завод электроизмерительных приборов «Электроприбор» был открыт 19.11.1927 г. на Малой Посадской ул., 30. Ныне — Государственный научный центр Российской Федерации АО «Концерн «ЦНИИ Электроприбор»».

² Музыкальная школа № 2 (ныне — Музыкальная школа им. Андрея Петрова) расположена в особняке С.Ю. Витте с 1935 г. Трехэтажное здание было построено по проекту архитектора Э.Ю. Вирриха в 1898 г. Располагалось по адресу: Кировский пр., 5 (ныне — Каменноостровский пр., 5).

³ Мама — Аржанова (дев. Алексеева) Клавдия Кузьминична (17.05.1901–27.11.1980), папа — Аржанов Михаил Петрович (?–1942).

И вот я первый раз пошла на работу 1-го ноября, а ребята начали заниматься в школе с 3-го ноября. Я понимала, что это не учеба: все время тревоги, да, к тому же голодный желудок. Но, несмотря на все, я себе не представляла, как это я не буду учиться. Я плакала, вспоминая о школе, завидовала ребятам и хотела, чтобы школа перестала заниматься — ни себе, но и не им. Нина с Леной¹, а особенно Нина, говорили, что я делаю глупость. Им я не показывала виду, что мне тяжело и говорила, что я очень довольна от того, что пошла работать. Нина говорила, что она не допускает мысли, как это она не кончит десятилетку, и порицала меня. Я думала, что ею руководила зависть и очень обижалась на это. Сейчас все впечатления сгладились, и я пишу только по воспоминаниям, поэтому все не так ярко. Я мучилась, представляя себе, что я останусь навсегда с 8-ю классами, как другие. Я жаждала быть ученицей. Только тогда я поняла, какое счастье учиться, и мне хочется быть целый век ученицей. Я хочу много, много знать и, пожалуй, никогда не кончу учиться и не пойду работать (если это будет возможно). Какое это счастье узнавать всё новое и новое. Я это поняла только тогда, когда кончила узнавать это новое, и пошла работать. Первое время мне было очень скучно: не хватало умственной работы, а потом привыкла. Теперь я уже довольна, что я пошла работать, но тогда это была драма, которую никто не знал, и которую я пережила, ни с кем не делаясь своим отчаяньем. Потом с продуктами стало ещё хуже и многие стали голодать. Когда чужие люди голодают это ничего, но когда знакомые и ты это ясно видишь, то это гнетущее впечатление. Я виделась с Екатериной Алексеевной², и она явно голодает, а на следующий день я пришла к Нине и увидела тоже самое. Нина мне сказала, что я счастливая, от того что пошла работать и она тоже бы пошла,

¹ Нина и Лена — одноклассницы Людмилы Аржановой. Нина — Нина Константиновна Бардина (21.02.1925–?); Лена — Елена Ивановна Клементьева (07.02.1926–13.11.2006).

² Екатерина Алексеевна Фанберштейн — преподаватель по классу фортепиано в Музыкальной школе № 2.

если бы было куда (учёба была забыта). Моё самолюбие было удовлетворено. Сейчас я работаю, и работа мне нравится. Война, семейные дела и моя драма не смогла не отразиться на мне. Я стала очень нервная и очень скоро могу заплакать из-за пустяковой причины. С девочками я первое время виделась часто, а теперь очень редко: работы по горло и оставляют сверхурочно.

Теперь Ленинград стал настоящим фронтовым городом. Голова поседет, когда подумаешь, что будет с нами дальше. Теперь даже о бомбёжке я забыла, всё время думая о голоде. А людей голодных ужас много и даже некоторые умирают. Я хожу по улице и стараюсь не смотреть на людей, иначе мне тошно и хочется плакать. Теперь как идешь с завода, так снаряды и свистят. Бежишь домой как сумасшедшая и даже спине больно: кажется, что сейчас в спину снаряд ударит. Такой противный звук. Когда я услышала этот свист первый раз, то я страшно испугалась, и потом была несколько дней психом: всякого звука боялась и вздрагивала; сейчас это прошло. Просто не верится, что мы пережили такой ужас. (Я несколько не преувеличиваю, а наоборот очень мало пишу.) Думала ли я раньше, что мне это все придется переживать?! Теперь в голове только одна мысль: «Только бы остаться жить и не умереть от голода и бомбежки». Ну, а если суждено умереть, то уж лучше от голода, чем от бомбежки.

Сейчас из города народ эвакуируют пешком по льду, но мы никуда не пойдём, как бы плохо не было. Это идти на верную смерть. Лучше умереть здесь. Зачем эвакуируют, то на этот счет ходят разные слухи. Будем надеяться, что наш дом не разобьют и немец не возьмет Ленинград. У нас в квартире почти все хотят уходить и сейчас в Ленинграде оставят только нужных рабочих людей. Только бы остаться жить, а остальное ерунда. Я пишу очень мало, потому что когда есть настроение неохотно, а без настроения я только записываю факты. Потом будет интересно читать (если только доживу).

10/XII [1941 года] — среда

До чего мы дожили! Думали ли мы, что нам придется переживать такой ужас. Да, это ужас. Голод, голод! Ужасный голод! Такой голод, которого никто никогда не видел. Люди пухнут и падают прямо на улице, и умирают. Гробов не хватает, и покойников хоронят без гробов, притом не успевают хоронить. И ведь не только голод, а еще и бомбежка. Но о бомбежке никто не думает. Голод ужаснее, чем бомбежка. У нас в комнате от голода умер Николай¹. Жуткое впечатление! Да еще нет света уже дней 10, да слышишь, как дом дрожит от бомб. Мамы дома не было, и я совсем упала духом. Стала ужасно бояться бомбежек и все время думала о смерти. И невольно хотела пойти в Вологду² пешком. Ну, потом приехала мама, и мне стало ничего. И сейчас я опять воспряла, но только этот свет я не могу переносить³. Сидишь, как заживо погребенный. В квартире у нас просто страшно находиться. Все голодные. На кухне оставь на 2 минуты, что-нибудь и уже украдут. И я вообще боюсь, как бы из-за еды дело не дошло до убийства. Хоть бы скорее наши соседи уехали.

13/XII [1941 года]

У Нины Бардиной папа⁴ лежит от голода при смерти, и наш папа от чего-то пухнет. (Вот сейчас тоже идет артиллерийский обстрел. Уже в волю немцы настрелялись, а они только теперь объявляют.) У меня тоже все время в животе чувство пустоты: чего-то не хватает.

¹ Андреев Николай Исаевич (1894–1941) — дядя автора дневника, двоюродный брат Клавдии Кузьминичны.

² В Вологду перед самой войной на каникулы уехала лучшая подруга Людмилы Аржановой — Ася (см. ниже). Ася — Анастасия Васильевна (дев. Свистулева) Копанская (16.11.1925–?).

³ Имеется в виду свет от коптилки. Коптилка — один из известных символов блокады Ленинграда. Принцип ее работы такой же, как у церковной лампы. В небольшую самодельную баночку наливался керосин или любая жидкость, способная гореть, крепился фитиль (крученая веревка), опущенный в керосин и краешек веревки поджигался. Такие «осветительные» приборы давали сумрачный мерцающий свет, и очень коптели комнаты, за что и получили свое название.

⁴ Бардин Константин Модестович (1883–1942) — отец школьной подруги.

Три дня подряд я видела во сне, что получаю письма от Аси. Не случилось ли чего с ней. Я за нее беспокоюсь. А днем все время думаю о Толе¹. Как увижу спецшкольника², так кажется, что это он. Тоже не знаю с чего это. Сводки у нас стали хорошие и я готова плакать от радости. Впрочем, я в этом была и раньше уверена. Но с продуктами у нас не лучше. Люди умирают, как мухи, а духом не падают. Ленинградцы — это герои. Это название вполне ими заслужено.

Хоть бы на Ленинградском фронте их погнали! Хотя из Тихвина их выгнали³, но этого нам мало. Но скоро, скоро мы победим Германию. Наконец я дописала всю тетрадь! И все-таки интересно вести дневник. Теперь возьму другую тетрадь.

Спасибо тебе, моя тетрадка!⁴

23/XII [19]41 г.

Опять неохота писать. Меня губит моя лень. У нас были такие ужасы, что стоило это все записать, а я опять поленилась. Но запишу хоть факты. У нас в квартире второй покойник от

¹ Толя — приятель Людмилы Аржановой.

² Учащийся специальной военной школы. Специальные военные школы — средние военно-учебные заведения, осуществлявшие подготовку командных кадров для армии и флота во время войны по ускоренной программе.

³ В ходе Тихвинской наступательной операции советские войска продвинулись на 100–120 км, освободили от врага значительные территории. Освобождение Тихвина 9 декабря 1941 г. позволило усилить подвоз продовольствия, и 25 декабря 1941 г. хлебный паек, выдаваемый ленинградцам и бойцам Ленинградского фронта, был увеличен на 75–100 г.

⁴ На следующей странице приведен список театральные постановки и художественных фильмов, которые автор посмотрела или планировала к просмотру. «39/40 учебный год. 1. Свадьба в Малиновке; 2. Веселая вдова; 3. Жюстина Фавар; 4. Сотый тигр; 5. Роза-Мари; 6. Парижская жизнь; 7. Собака на сене; 8. Весенний смор; 9. Доходное место; 10. Мачеха; 11. Фландрия (Отечество); 12. Падь серебряная; 13. Без вины виноватые; 14. Слуга двух господ; 15. Недоросль; 16. Трубадур; 17. Замужняя невеста; 18. В понедельник в восемь; 19. Лес; 20. Песнь цыгана (Цыганская любовь); 21. Валенсиянская вдова; 22. Евгения Гранде; 23. Сильва. 40/41 учебный год. 24. Лебединое озеро; 25. Паяцы; 26. Евгений Онегин; 27. Руслан и Людмила; 28. Марица; 29. Тартюф; 30. Фельдмаршал Кутузов; 31. Мещанин во дворянстве; 32. Баядера; 33. Свадьба Фигаро; 34. Чужой ребенок; 35. Агунья; 36. За океаном; 37. Травиата; 38. Цыганский барон; 39. Сирано де Бержерак; 40. Черное домино; 41. Свадебное путешествие».

Нина Бардина

Лена Клементьева

голода. Но как он умер это просто ужасно. Настоящая трагедия. Дело в том, что их трое мужчин: отец¹ и два сына. Отец нерадивый и сидел на шее у ребят. Он сидел дома и получал иждивенческую карточку, а Шурик работал и Вова ремесленник. Он уже давно начал пухнуть, а Шурик очень жалел его. Принесет что-нибудь из столовой на свою карточку, и все отцу, да и Вовка из ремесленного приносил часть своей доли. Шурик все хотел спасти его и просил Вовку достать кошку, чтобы накормить отца. (Так они и не достали кошку.) Шурка бедный с ним совсем извелся: все время голодный, да отец еще не слушается и он все время плачет. А. Н. стало совсем плохо, и Шурик даже в кровать подавал ему горшок. Наконец, он уже сам стал валиться с ног. Тогда он стал просить отца: «Отец! Я тебя спасал до тех пор, пока мог, а теперь ты спаси меня — я больше не могу: я сам гибну. Уйди из дому и свались в магазине, тебя возьмет скорая

¹ Каташев Александр Николаевич (1892–декабрь 1941), место захоронения Серафимовское кладбище (Блокада Т. 13).

помощь и тебе, и мне будет лучше». Мы все в квартире советовали так же. И вот А. Н. вышел на кухню и стал собираться уходить. Боже! Какая жуткая картина! Сын гонит своего собственного любимого отца, почти умирающего, из дома! Могут люди осудить его или совсем не поверить. Но иначе исхода не было, иначе бы через несколько дней погиб бы Шурик. И так я удивляюсь на него, он заботился об отце до последней минуты. Я бы лично гораздо раньше стала себя спасать. Но чего нам стоило выгнать А. Н. из квартиры этого сказать нельзя. Мы собрались целой квартирой и просили его уйти. А ему не хотелось уходить из теплой кухни. Мы ему говорили всякие грубости, а он хоть бы что: он уже одурел от голода. Шурка бедный плачет, не переставая, и говорит: «Отец, лучше не возвращайся: все равно ничего больше есть не дам». А он отвечает: «Нет, нет Шурик, нет, не вернусь». Наконец в восемь часов он попрощался со всеми и пошел с Шуриком. Шурик проводил его до Пищтреста¹ и ушел домой. Больше он домой не вернулся. На следующий день пришла медсестра и сказала, что в десять вечера А.Н. Каташев умер в 34-й поликлинике². Значит, мы из дому гнали полупокойника, если он через два часа умер. Он на нас всех произвел очень большое впечатление. Шурик тоже потом совсем опустился, но мы его всей квартирой вытянули, потом стал пухнуть Вовка, но о нем заботится ремесленное училище. Только А. Н. умер, голод постиг нашу семью. Папа распух и совсем ослаб, даже из П[етропавловской] крепости³ не мог дойти до дому. И все плачет и плачет и говорит, что он умрет. Мама бедная первые дни крепилась, а потом стала все время плакать и твердит: «Нам его не спасти». Мне тоже страшно; потому что я вижу, как человек уходит от жизни. У нас была картошка и в это время мы достали конину. Мама и стала давать

¹ Пищтрест — продуктовый магазин № 10 ленинградского треста пищевой промышленности (угол Большого пр. П.С.. 29 и ул. Введенской, д. 2).

² Поликлиника № 34 — Зверинская ул., д. 15.

³ Отец Михаил Петрович Аржанов работал шофером в издательстве газеты «На страже Родины». Типография газеты располагалась на территории Петропавловской крепости.

Ася Свистулева

ему больше порции еды и туда конины. И это его спасло. Он у нас на глазах стал оживать. И, слава Богу! Пока что он ничего, хотя опухоль под глазами есть. За эти дни пока папе было плохо, я боялась, как бы мама не свалилась, потому что я видела, как она слабла и сразу постарела. Это было жуткое для нас время; вся семья начинала гибнуть, но сейчас у нас стало лучше. Как жутко когда осознаешь, что над тобой витает смерть! Мы с мамой буквально вытащили папу из лап смерти. У нас запасов хватит на месяц и если у нас в Ленинграде не станет лучше с продуктами, то мы все погибнем. А люди мрут, как мухи, и все больше мужчины. Людей не успевают хоронить, и их месяцами не хоронят. Везут покойников без гробов и хоронят в братскую могилу. У нас сейчас каждый день пять тысяч покойников. Такой голод ещё никогда никто не переживал и наверное не будет переживать. Голод да ещё бомбёжка — что из этого ужасней — и то, и другое ужасно. Я никогда не думала, что еда играет такую роль, а сейчас все люди говорят только про еду и это ни сколько не удивляет. Нинин папа умер, и Нина Б. сама пухнет. Кругом умирают.

28/XII [1941 года]

Сейчас у нас чуть-чуть получше. Прибавили хлеб и похоже на то, что теперь будут всё время прибавлять. Новый Год я думала встретить дома, а вышло, что мне надо его будет встречать в госпитале. Меня назначили туда дежурить каждую ночь.

Когда мне бывает тяжело, то я всегда вспоминаю Асю. Как мне её не достает! Если бы она здесь была, мне было бы гораздо легче. И я от неё не получаю ни одного письма. Хоть бы одно маленькое письмецо! Я бы знала, что она жива. Когда я её уви-

жу! Мне её так хочется увидеть. Мне стало бы гораздо легче, и я бы успокоилась, если бы получила письмо.

5/I [19]42 г.[ода]

Моя просьба была услышана. Я получила от Аси телеграмму в самый Новый Год. Я так была счастлива, что она жива и не забывает меня. И в то же время мне было стыдно, что я собиралась ей послать телеграмму ещё к дню её рождения, но так до сих пор и не послала. Письмо я написала в тот же день, а телеграмму опять до сих пор не послала. Но я обязательно её пошлю. Но и это не то — я хочу её видеть! Хоть бы во сне приснилась она мне, но я её упорно не вижу, а вижу каждый день во сне Володю Теслю¹.

Мне было страшно идти в госпиталь² и мне казалось, что там очень плохо. Когда я пришла в палату, мне было неловко. Потом я стала привыкать. Дежурила я каждую ночь с 9 ч.[асов] вечера до 9 ч.[асов] утра. Это очень утомительно, но я привыкла и только стали больше круги под глазами. Теперь, правда, у нас новое расписание, и я дежурю то день, то ночь. Это хорошо. Палата у меня маленькая: всего десять человек. Потом мне стало нравиться, и, в конце концов, я так полюбила это дело, что не знаю, как я буду возвращаться на завод. Я всех раненых так полюбила, так привыкла к ним и чувствую себя с ними очень свободно и хорошо. Мне так хочется, чтобы они все остались живы! И особенно те, которым сейчас плохо. Среди раненых мое внимание привлекли двое: уже ходячий Володя Тесля и совсем пло-

¹ Раненный красноармеец в госпитале, в котором работала Людмила Аржанова. Возможно, Тесля Владимир Андреевич (1924–?). В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1520769699&stab=navDetailManUbil> (дата обращения: 20.02.2020).

² Эвакуационный госпиталь № 68-259-270 ФЭП-50 с 30 сентября 1941 г. по 7 января 1943 г. располагался в здании школы № 91 Петроградского района, до недавнего времени находящейся по адресу ул. Большая Пушкарская, 16 / ул. Введенская, 3. Ныне это здание принадлежит Академии танца Бориса Эйфмана.

хой Ванюша Козлов¹. У Володи подстрелена нога, и он ходит на костылях, а у Вани расколот череп и сочатся мозги. Сейчас Ваня пошел на поправку, а Володю, наверное, скоро переведут на 3-й этаж в отделение легкораненых. У Вани замечательно мягкие черты лица. Особенно черные брови и хорошие, добрые карие глаза. У него голова забинтована до бровей, и интересно посмотреть на него без повязки. Вначале он мне понравился как юноша, а сейчас я его люблю просто, как тяжелобольного. Он такой слабый, и мне так хочется, чтобы он остался жив!

На Володю я вначале не обратила большого внимания, а теперь он меня всё больше и больше заинтересовывает, т. е. я начинаю им увлекаться, а это мне совсем самой не нравится, но я с собой ничего поделаться не могу. Интересно, до чего меня это доведёт. Володя — украинец и говорит с неподражаемым хохлацким акцентом. Притом он ужасный говорун, как раз такой, какие мне нравятся. Он не красивый, но симпатичный. Единственное, что мне не нравится у него, так это то, что когда он смеётся, у него видна десна. А так у него резкие черты лица, тонкий орлиный нос и такие же орлиные серые внимательные глаза.

Он на меня не обращает внимания и поэтому я им заинтересовалась. Вообще-то я должна ему понравиться.

Новый Год я встречала в госпитале. Мне очень хотелось встречать его дома, но пришлось пойти туда. Встретила я его очень хорошо по теперешнему времени; так, как я совсем и не ожидала. Мы с медсестрой Марусей² ушли с дежурства и внизу танцевали. В самый Новый Год поставили пластинку «Последний вальс». Мы поздравили друг друга и станцевали вальс. Я не танцевала с 1-го мая и была очень довольна. Потом мы пришли наверх, а там по радио из Москвы кремлевские куранты бьют двенадцать часов и играют «Интернационал»³. Здесь мы еще

¹ Козлов Иван Иосифович (1919–1942), похоронен на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56005795> (дата обращения: 20.02.2020).

² Коллега по работе в госпитале.

³ «Интернационал» — международный пролетарский гимн, текст Эжена Потье, музыка Пьера Дегейтера (1987). В 1918–1944 гг. — гимн Советского государства. С 1944 г. — официальный гимн КПСС.

поздравили друг друга с Новым Годом, и в честь его выпили по кружке кипятку с конфеткой. Затем я пошла в палату и поздравила больных, которые не спали. Я была очень возбуждена и необычайно весела. Мысленно я поздравила с Новым Годом всех, кто у нас дома был за столом и Асю. Может быть, и она вспомнила меня в этот же момент. Нина и Лена Новый Год проспала.

Папа у нас опять стал плохой. Мы ему дали всё что возможно, и больше я не знаю, чем его ещё можно спасти. Он ест хорошо, и ему всё мало. И так картошка у нас кончается и конина тоже, и я стараюсь не думать о том, что будет дальше. Продуктов нам не прибавили, да и этого жалкого пайка нам никак не получить. Мы все погибнем! Все, все до единого! И так люди мрут, как мухи, и если паёк не прибавят, все умрут. Каждый день слышишь об умершем знакомом. Хоть бы давали вовремя этот паёк. А о папе страшно подумать. Хоть бы он остался жив! Но я уверена, что скоро, скоро будет лучше! Должно быть скоро лучше! Должно быть! Да вот еще у нас петля на шее: бабка с дочкой сорокалетней¹. Сидят обе голодные и всё у нас просят. У мамы всё нервы вымотали, да и я стала нервная. Старуха — эта сущая ведьма и я на неё не могу смотреть. Они у нас четыре месяца отжили, и без нашего спроса продлили прописку ещё на два месяца. Такие нахалы, что надо поискать. Но про них нет интереса писать. Если писать, то значит описывать каждодневные ссоры и домогательства.

А живем мы сейчас по истине жутко. Мы лично живем в углу, потому что отделили их в другой угол, чтобы не видеть. Света нет. Живем с копилками. Это ужасно выматывает нервы. Света уже нет больше месяца и не знаем, когда дадут. Но хоть было бы тепло, так ведь больше восьми градусов у нас не бывает. Мы топим много, но всё без толку, потому что кругом не топят. Мы все сидим замерзшие, как сосульки. И потому, я и ещё больше люблю ходить в госпиталь, что там тепло и светло. И ещё последнее, нет воды. Приходится ходить на рынок в уборную, но

¹ Речь идет о родственниках К.К. Аржановой — тетке Татьяне и ее дочери Ирине.

теперь хоть в ванной часто идёт, и мы запасаем её. Я уж не говорю об арт.[иллерийских] обстрелах. Бомбёжек, слава богу, уже давно нет и дай бог, чтобы больше не было. Вот все прелести нашей фронтовой жизни. Но это выразить словами нельзя. Надо это всё испытать, на своих плечах тогда только поймёшь весь ужас переживаемого нами. А мне всё-таки не верится, неужели я могу это не пережить и умереть. Я живу уверенностью, что я это всё переживу!

23/I [1942 года]

Папа! Бедный папа! Я даже не знаю, что писать. Думала ли я, что я потеряю отца! Да, если бы такой отец как у Нинки Б., а за что?!. Я даже не знаю, как мы будем с мамой жить. Проклятая жизнь! Проклятая! За что?! Такое несчастье на мою голову. Ну, что я плохого сделала. Мы ведь с мамой ни о чём не думали, а теперь, что мы будем делать без него. Он три дня тому назад еле пришёл домой и говорит: «Вот я и готов, готов, готов». Он пришёл домой в полусознательном состоянии. Он пока шел с работы, то шесть раз садился отдыхать. А мы с мамой на следующее утро опять отпустили его на работу. Перед уходом я его так просила: «Папа нам ничего не надо, но приходи ты пораньше домой». А он мне ответил, что если с ним что случится, значит, судьба. И мы-то с мамой всегда о нём так заботились, а тут отпустили. В этот день он домой с работы не пришёл. На другой день мама в 2 часа дня пошла на завод и узнала, что он вчера был в очень плохом состоянии и не мог прийти домой. Ночевал он на работе, а утром всё ждал маму, но не дождался и часа три назад ушёл домой. Мама — домой и там его тоже нет. Больше мы его не видели. Куда он делся, что с ним, мы ничего не знаем. Жив ли, мёртв? Может быть, где-нибудь валяется мертвый и раздетый. Мы с мамой ходили по всем больницам, куда он мог попасть; по покойничкам, и нигде его нет. Смотрела мама по улицам, где он ходит — тоже нет. Как в воду канул. Вот я сейчас пишу о таком большом горе, а мне хоть бы что. Из меня

не выжать ни одной слезы. Я абсолютно спокойна, как будто у меня ничего не случилось и только чуть-чуть какая-то тревога на сердце. Ну, как-то я и не думаю о нём, а я как будто всё забочусь, что мне надо о чём-то думать. Вечером я все жду, что он придёт, а днём мне кажется, что он на работе. В общем, я не могу смириться с этой потерей. Но ведь если даже не смирюсь, то ведь всё равно, когда я вспоминаю о том, что его нет в живых, я ведь должна погоревать и поплакать. Так ведь нет — я отношусь так, точно дело идёт о чужом мне человеке. Мама хоть и плачет, но и она тоже внутренне, как и я, спокойна. Мы как-то оступели от всех несчастий, и это последнее несчастье уже не могло подействовать так сильно на нас.

Эти все ужасы проклятой войны уже раньше доконали нас. А теперь еще и личное несчастье. Когда это все кончится?! Хоть бы скорее тепло, а то комнату не натопить, да и папа нас оставил без дров. Нет, я как-то вполне уверена, что он вернется домой живым.

А так, как я походила сегодня по больницам и милициям, то убедилась, что нам как живого, так и мертвого его не найти, если только он сам домой не придет. А все-таки ему судьба была так умереть. Я маму утром просила: «Поди, мама, сейчас на работу к нему», а она пошла только в два часа. И как наблюдаешь за обстоятельствами, то его гибель уже давно подготавлилась. И в последнюю минуту все, чем мы могли спасти его, было упущено нами из виду. Прямо кто-то закрыл нам глаза на эти вещи: и не пустить его на работу, и утром пойти маме на завод, да, и ему самому не дожидаться мамы. Я ничего не могу сказать: «Это судьба. Если так случилось, значит так надо было». Мама говорит такие же слова. Все-таки по-моему есть у каждого человека судьба.

Но почему нашему папе, такому хорошему, такая плохая судьба: умереть не дома, а где-то на улице. Мы даже не имеем права его похоронить, тогда как людей, которые, по заслугам могли бы умирать как собаки, хоронят свои родные и довольно-таки прилично.

Нет! И все-таки я не верю, что я потеряла папу! А вдруг он вернется домой! Неужели я его никогда больше не увижу? Как перевернется моя бедная жизнь! Что мы с мамой будем делать. Как нам будет скучно, как нам будет все время его не доставать! Неужели у меня нет больше папы?

Нет, нет, я не верю! Может быть, мы его еще и найдем. Но эта надежда во мне чуть теплится. Я не горюю, но и смириться с этим не могу. А вот что сделала из нас наша позорная, проклятая жизнь! Проклятая! Проклятая! Иначе назвать нельзя. Ведь мы же не люди, а камни. Это даже трудно себе представить, как мы живем, это можно написать только в страшной сказке. Никто нас не поймет, надо это все пережить, чтобы понять весь ужас нашего житья. И холод, и голод, и нет света, и нет воды, и даже не на чем разогреть горячего чая. Я даже уже перестала надеяться на прибавку и живу уже совсем без желания жить, так по привычке, как автомат. Жизнь так убила нас, что мы уже не понимаем горя. Она нас совсем пригнула к земле, и мы уже даже не ходим, а ползаем, как мухи. Она нас пригнула и в буквальном и в переносном смысле это[го] слова.

Хоть бы скорее тепло! Тогда бы одно бремя свалилось с нас — холод. Но до тепла еще долго мучиться. Не знаю, дотянем ли мы? Вряд ли. Как коверкает жизнь! Я никогда этого не думала, что можно дойти до такого состояния, до какого дошли мы. Мы стали все звери. Уже всю едят человечину, кошек и собак уже давно всех съели. Покойники валяются посреди улиц — их никто не убирает по неделям. Возить покойников по городу днем не разрешают, уже слишком стало много, а только в сумерки. Я живу не о чем не думая, так, пригнулась к земле под тяжестью жизни и ничего не охота — ни делать, ни думать. Когда? Когда этому будет конец?! Вот самый насущный вопрос, даже и он меня не интересует. Я после папиной смерти совсем отупела и опустила. Мне теперь все равно, только бы мама осталась жива — вот мое единственное желание.

Асе телеграмму так и не послала: душой хочу, душой давно уже её послала, а руки и ноги не собрались послать. Но я знаю, Ася простит мне эту вину.

Я все работаю в госпитале. То разочаровывалась, то мне опять нравилась эта работа. А откровенно говоря, здесь я только и живу. Дома это не жизнь. Познакомилась с больными из других палат. Подружилась с капризулей — Виктором Абульхановым¹. На Володю смотрю как на товарища: сейчас не до того. Сейчас совсем раскисла, охота спать и есть.

8/II [19]42 г.

Недаром мне сегодня так не хотелось идти в госпиталь. Прихожу и узнаю, что из госпиталя эвакуировали 200 человек, в том числе и Володю, и Колю. Ну, Коля это еще ничего, но Володя... Мне очень грустно. Я никак не думала, что мы расстанемся с ним так глупо. Мне нравилось, как он говорил с украинским акцентом, нравился его тонкий горбатый как у орла нос, нравились его большие, красивые, темные глаза. И мне обидно, что я его, может быть, больше никогда не увижу. Не увижу больше и товарища Колю Селигуева. Один будет у себя в Днепрпетровске, другой в Донбассе. И вообще стало много пустых коек и у меня на сердце, и пусто, и грустно. Мне жалко каждого больного. Хорошо, что еще Саша Горынов² здесь, есть хоть с кем словом перекинуться.

Ванюша Козлов давно умер от менингита, не приходя в сознание. Я его сама относил в приемный покой.

Папу мы так и не нашли; да и где же найти — ведь трупов столько, что их даже не убирают. Теперь я уже не чувствую себя беззаботной девочкой; на своих плечах я все время чувствую тяжесть: заботу о маме и о себе. (Главным образом о маме.) Мама моя пухнет, но я уже теперь не боюсь опухоли. Я даже на неё не обращаю внимания.

Стараюсь же заглядывать в нашу будущую жизнь. Плохо нам будет без Папы. Мне все кажется, что он жив и вернется домой. Как исковеркалась моя жизнь. Думала ли я, что я буду пережи-

¹ Раненный красноармеец в госпитале. Идентифицировать не удалось.

² Саша Горынов и Коля Селигуев — раненные красноармейцы в госпитале. Идентифицировать не удалось.

вать все, что я сейчас переживаю. Какой у меня резкий контраст между поистине беззаботным детством и суровой юностью. Насколько я раньше любила зеркало, так я теперь даже не забочусь о своей внешности и совсем не смотрюсь в него. Живем мы ужасно. Мне так хочется описать нашу ужасную жизнь, но все получается так бледно и не интересно — слов мало. Дома у нас всего + 4° тепла. Мы сидим дома в пальто и отогреваемся только в кровати, да я только в госпитале. Мы уже месяц не мылись и не меняли белье. Можно представить себе какие мы грязные. Не моемся, потому что нет воды и холодно. За водой надо ездить на Неву. Я чешусь, как я не знаю кто: боюсь, чтоб не завелись вши; хожу в грязнущей кофте и мне нисколько не стыдно. Сегодня ездили два раза за водой на Неву и завтра хотим натопить из последних дров комнату и помыться. Не знаю, удастся ли нам это, а было бы великое счастье, если бы нам это удалось. Скорее бы тепло! Скорее бы отпали все невзгоды помимо голода. Прибавкой опять все время водят за нос. Мы с мамой чувствует голод. Бывают такие моменты, что сегодня сварим суп, а завтра варить не с чем. Правда, на одном чаю с хлебом мы еще не сидели. Мама идет на рынок, и что-нибудь меняет за бесценок на продукты. Так мы и мытаримся.

Телеграмму Асе я послала. Не знаю, дойдет или нет. Когда же это все кончится! Но я уже должна забыть об отдыхе и беззаботной жизни. Я должна сама себе пробивать дорогу, да еще постараться сделать так, чтобы мама не работала. Это нелегко. Но об этом потом покажет сама жизнь: лучше довериться судьбе, а сейчас единственное желание — остаться жить, и чтобы скорее кончились эти мучения!!!

18/I [19]43 г. С Новым Годом!

Прошёл год ...

Живу я одна без мамы. Она на труд.[овых] работах¹, да боюсь

¹ Призвана на трудовые работы.

что её вообще не увижу. Учусь в строительном техникуме¹. Вперёд одной было трудно, потом стала привыкать. Мне много помогают Федя с Галей². Я часто у них бываю. Мне так хорошо у них. Ведь родные! И мне становится так тепло и отраднo, что я не одна. Нина и Ася пишат. Когда же я свою названную сестру увижу. А увижу я её обязательно!

Ленинград!!!

Прошлогодний и теперешний — это день и ночь. На улицах порядок, трамваи ходят, бани работают, вода дома идёт и даже во многих домах есть свет. Правда, у нас его нет. У многих дома тепло, у нас этого тоже нет. Но город не узнать. Вот, правда, с питанием ещё неважно. В театр билеты ни за что не достать. Люди ожили. Все ходят чистые, прилично одетые. Покойников на улицах ни одного. Все в больницах, которые больны.

У меня уже девять месяцев болит палец, и я не знаю, когда поправится. О том какое у меня настроение видно из того, что я стала снова писать дневник. Опять так сильно потянуло пооткровенничать с ним. Ничего никому не говорить ведь это очень тяжело. О папе всё сильнее и сильнее скучаю, иногда плачу, люблю видеть его во сне — как будто живого увидела. Лену совсем редко вижу, да и вообще она мне не товарищ — я девушка, а она девочка, ушедшая с головой в хозяйство. Хотя я тоже хозяйствую, но я успеваю и погулять. Я всё хочу с кем-нибудь познакомиться, но это не так легко. Мне хочется кого-нибудь любить. Ах! если бы он был молодой и красивый. Но я уверена, что я с кем-нибудь познакомлюсь. Ведь не могу же я сидеть дома, как старая дева.

¹ Техникум располагался в здании Института «Ленгоринжпроект» на Невском пр., д. 26.

² Федор — брат Михаила Петровича Аржанова, дядя автора дневника. Галина — его супруга.

А. Свистулева — Л. Аржановой, 16 июля 1943 года¹

16/VII—43 г.

Здравствуй дорогушка!

Я так давно не писала тебе. Не правда ли, ведь ты не обиделась? О тебе я вспоминаю все время. Люсик, я здесь совершенно забросила все. Я не читала здесь ни одной книги, и чтобы совершенно не отупеть в часы досуга, я думаю о тебе, о Ленинграде, и некоторые мысли записываю. Так прочти одну из них.

Посвящается Людмиле

Идет уж третий год
Как я из Ленинграда
Уж третий год не вижу я тебя,
Не вижу я любимые места,
Которые так часто навещали вдвоем,
А иногда и вчетвером.
Не вижу третий год
Товарищей по школе,
Учителей, знакомых и ребят,
С которыми так весело мы жили,
Которые нас искренне любили так.
Но помнишь, были и такие,
Которые завидовали нам.
Завидовали нам, что мы танцуем,
Что ты играешь, я пою,
Что ходили мальчики гурьбой,
И за тобою, и за мной.

Помнишь, как с тобой любили
Ходить по берегам Невы
Мечтать о будущем, о счастье,
Которое нас ждало впереди.
Мы говорили о любимых —
Героях, книгах и ребят,

И весело с тобой смеялись
Над ревностью и завистью девчат.
Окончили мы восемь классов,
Должны мы лето были отдыхать.
Но пронеслась с огромной силой
Неждана весть — что началась война.
На даче ты была, а мне
Из города пришлось уехать...
Так не видала я тебя,
А позабыть — сама ты знаешь,
Друг друга не забудем никогда!
Хотя и третий год не вижу я тебя.
Но знай — мечты, прогулки и любовь
Вернуться снова. Все оживет!
Мы расцветем опять!
И встретимся тогда мы снова!

Прошу тебя не судить очень строго. Но твое мнение для меня
ведь все. Так что прошу его высказать и как можно побыстрее
<...>¹

¹ Письмо на розоватом тетрадном листе, сложено «треугольником», приклеена марка стоимостью 30 коп. Хорошо прочитывается адрес получателя «Ленинград-3, ул. Гатчинская, д. 22, кв. 6. Аржановой Людмиле». Частично прочитывается отправитель «<...> п/о Воронцово <...> [Сви]стулевой Асе». В Ленинграде письмо получено 25 июля 1943 г., просмотрено военной цензурой. Оторвана часть письма с адресом отправителя.

¹ Далее обрыв листа.

В детском саду, 1930 г.

В 1-м классе, 1932 г.

Середина 1930-х гг.

Вторая половина 1930-х гг.

1939 г.

Свадебная фотография, 1944 г.

Дочь Ольга

Сын Леонид

Л.М. Аржанова, 1966

9 мая 2010 г.

Аржанова Модими Михайловне
рожд 10/II - 1925г.
прож. Гатчинская ул д 22 кв 6

В настоящее время
Дмитриченко Л.М.
прож. Казанская ул д 4 кв 21
Тел. 445-06-65

4/ суббота
Все эти дни интереснейшим образом на второй этаж перед общей опасностью зданиями зданиями Ленинграда. Они состоят около самого Ленинграда и у нас все время обитало, как свидетельствуют из действительности наши из Кромки магма и иными по нашему городу. Начиная с седьмого сентября, почти каждый день, они обитали перед стогода, как на гряде, стальной горючей; удивительно сужалось и мы каждый вечер видели бомбардировку. Дни он обитал все один раз, и так все обитало впереди. Дни он обитал бомбу в дом, напротив тушкар-саме баше, а я тогда была в школе и сменяла из него. Наме такая такая здоровая, что даже не наматывалась. Я видела этот самолет, который бросил бомбу. Через несколько дней после начала бомбардировок они начали обитали в Кировский район из города. Этот район эвакуировали

нам на северозападной стороне. До нас
еще сариды не дошли. 9/12 в
9ч. 30м. заручен прибор и мы начали
идти в подвал, но не знаем... раз-
говор взрыв, дом нам зашатался и
где-то слышны звонки и пощипыва-
ющие. Я, испугавшись, выскочила на
улицу и побежала в подвал.

Потом мы узнали, что у нас в доме
и соседского было обожжено 3
бабушки и разбито все что было
на перекрестке. Мы стоим куда
случилось. Я тогда погуляла, а
потом и пришла. Несколько дней
спала по два часа по три часа и
в ночной тревоге. Я пришла
спать на полу в комнате и когда
пошла спать с мужем. Но
всю ночь пришла и из этого на
улице во время тревоги в сумерки
когда начали слышать. У нас тогда
происходило что, не то, что у нас
Сариды далеко, потом уже началось

а с ними в сумерках из земли,
и когда мы уже совсем близко, тогда
иди в подвал. У нас совсем не
спрашно, как и не могу сказать
ничего о минимальных сроках боя
когда начнется сумерки близко
земли. Если бомба попадет в
дом, то мы все равно по-
лучим. Средств нету в сумерки
ночью было при тревоге, но я слы-
шала только пощипывание как слышала
спать и утром не слышала! Когда
случилось дома и слышала, как слышала
самыми и сумерками земли, го-
раздо так раньше выскочила и
получила сумерками слышала, слышала,
в сумерки и ночью слышала по себе
ураганом и надо слышала слышала
всем слышала слышала дома. Слышала
не на слышала и слышала на
улице слышала слышала. Это по-
лучило слышала слышала. И все слышала
случилось слышала слышала слышала,

71
нам не мифовид. Мифы все-таки
должны; мифы - знамениты как надо.
Возможные у нас не из-за выдумки,
потому что Мимифрад почти открыт.
И вей сильнее особенно асигнит за
наши мифы и за родом тайны.
У нас по-прежнему свадгаруши, но
узнаешь иногда и не грешно. И
многого короче, что и в наше
время по-прежнему в Мимифраде.

И думаю, как мы по-прежнему будем
говорить с родителями: "Мимифра-
да". И в мирное время
будем всех городов любить свой город
а сильнее особенно. И думаю о том,
как мы будем рассказывать о нашей
жизни, когда вернется мир. Скажут
родители будут в наших словах! Но
у меня захватывающей сцене; будет
или это, т. е. достигну мы или до
догода? Не знаю, может быть да, а
может быть и "нет". У нас теперь
уже мифы, которые мы считаем

но родно. Нам друзей и не хочется,
и мы куда не ходим, и никто
не хочет. Все связано на второй
этап, за-исключением года борьбы
с мифами. Город же вей одной общей
исходной жизни, все время отныне
черно-го. И верю, что наша красная
армия победит! Зима будет для
мифов мифов!

4/11. Вторых.

Тот мой прожитый - так много пережито!
Промеж всего мира, а и превращаюсь
в это время из девочки в девушку. И
она по-прежнему, что кончилось мое детство
уже, законное детство, око у меня краиня
для чужих сон, без тревог и забот. Я все
время считала себя удерживать, но
это невозможно. И думаю, сейчас же
же, но мифовидно и переживаю. У меня
своего мифовидно, своего забавно, все
свое чувства мне не передаю. Я сама
хочу просить мифовидно, но
пожалуйста, что-то. Миф надо с

не зговетовоць. Дня некое время справно
аутомобиль при виде мосту, а гонимы мосту
ны бы и бы о семидесяти годах.
ед мосту о своем.

28/11

Мне некогда писали, а писали мне когда
тогда очень уснула а брала, ну, а сейчас
каким.

С 1го сентября мы не можем заниматься и
нас бы конечно "забыли". Я конечно
очень сильно занимаюсь. Работа, а до пред
думаю все-нибудь поработать, но как пока
будет такая односторонне только занят.

Работу не так много байна а я пишу
тогда да и не стараюсь писать по
было. В смысле мы можем в брала
узнать. Но с производством у нас особенно
ни. труднее и труднее, а я стараюсь
думать о работе (я думаю, что работа будет
не будет). У нас очень уснула а
работу с первой командой на "Дельта-
прод" и тогда мне я знаю, что работа
занимается очень, а по работе мы уснула.

19
Я не знала, что делал. Я помню, что
яко мне работая, потому что я
бы время убожество и особенно бы
и ямы с мосту. Я все-таки мне
очень сильно в мосту. Я была и наша
особенно, что надо мне работая.
У нас и работы раз очень на работу
1го ноября, а работа была занимаюсь
в мосту 3го ноября. Я помню, что
яко не была: все время мосту, да
я мне не работаю мосту. Но не-
сначала на бы и все не работаю, да
яко и не была занят. Я работаю
мосту о мосту, работаю работаю и работаю
яко работа работаю - мы мы, но
яко не мы. Яко о мосту, а работаю
работаю, что я работаю мосту. Мы я не
работаю работа, что я работаю и работаю
что я очень работаю мосту, что работаю
работая. Яко работаю, что яко не до-
работаю работаю как. Яко мы не работаю
работаю, и работаю мосту. Я работаю,
яко мы работаю работаю и очень работаю,
яко работаю бы работаю работаю.

и я пишу письма по всяким-нибудь,
по сути все не так строго. Я стараюсь
представлять себе, что я остаюсь на время
с 8го классом, как другие. Я жалею
обыч времени. Письма тогда я пишу,
какое-нибудь письмо и мне кажется
обыч время все время. Я пишу много,
много пишу и пишу тогда не
которому пишу и не пишу работа. (Всем
это будет возможно) какое-нибудь письмо
знаю все новое и новое. Я пишу по-
прежнему тогда, когда пишу письмо.
Письма пишу новое и пишу работа.
Первое время мне было очень плохо: не
знаю, что такое работа, а пишу работа
к ма. Письма и пишу работа, что я пишу
работа по тогда пишу работа. ко-
нечно пишу не пишу и пишу работа
просто пишу не пишу работа
работа. Потом с пишу работа
уже пишу и пишу работа
когда пишу работа пишу работа.
когда пишу работа и пишу работа
писать. что пишу работа

40
и пишу с рабочей интересной
и она мне нравится, а на следующую
письма и пишу работа и пишу работа
письма самое. Письма мне нравится, что
я пишу работа. от того, что пишу работа
писать и она пишу работа, если
бы пишу работа (Письма пишу работа) мне
самому было интересно. Сейчас
я пишу работа и пишу работа
Письма, пишу работа и пишу работа не
мне пишу работа по пишу. Я пишу
очень пишу и пишу работа пишу
из-за пишу работа пишу работа. С пишу работа
и пишу работа пишу работа, а пишу
очень пишу: пишу работа пишу работа
писать пишу работа.

Письма по пишу работа пишу работа
писать пишу работа. Письма пишу работа, когда
писать, что пишу работа. Письма пишу
дома о пишу работа и пишу работа, все пишу
писать о пишу работа. Я пишу работа пишу
много и пишу работа пишу работа.
Я пишу работа пишу работа пишу работа
на пишу работа, пишу, пишу пишу работа

макать. Печень как зрел с завода, на
спарен и светит. Вечный дым как
сриведный и дым снык бивно: комья,
что сейчас в снык спарен ударит. Такой
противный звук. Когда я увидела дым
своей первой роз, но в сныкно че-
пучаев, в котором была несколько дней
печень: всякого звука бивна и вздох
вала; сейчас это проши. Проши не
верител, что мы переживали такой
уток. (Я несколько не превращався, а на-
оборот очень мало пишу) Думаем ли я
раньше, что мы это все переживали пере-
живали?! Печень в руке только огня
милит: только бы оставил дым и
не умереть от голода и бивности.
Ну, а если суждено умереть, то что
лучше от голода, чем от бивности.
Сейчас из города парой старушек
милит: но еду, но мы куда не
пойдем, как бы много не было.
Дело шити по верну сирот.
Случил умереть здесь. Замы дла-

душно, но на дым снык бивна
разные снык. Будем переживая, что
нам дым не разобран и мы не
возврат с сныкно. У нас в снык.
Печень пошл все дымно угодил
сейчас в сныкно. оставил только
милитное рабочее милит. Печень бы
оставил дым, а оставил снык
Я пишу очень мало, потому что
когда снык переживая, только, а
без переживая, я только замы-
лао дым. Потом дым переживая
милит (сам дымно дымно).

10/11 - среда.

До чего мы дымно! Думаем ли мы
что нам переживая переживая такой
уток. Да, у это уток. Голд, голд,
Голдский голд! Такой голд, которого
мы не находим не видят. Милит пишу
и падает прямо на уток и переживая
уток не оставил и переживая
голомил без уток, прямо не переживая
голомил. У видя не только голд, а еще
и бивности. Но о бивности милит

не думает. Того ужаснее, чем бомбят,
у нас в коммунае ой завода уезд
Николь. Николь вкрайне, да
уже нем света уже дней 10, да
сильнее как две дробинки ой бомб.
Сильнее дома не было и совсем
упала душа. Сильнее ужасно болел
бомбятся и все время думала о смер-
ти. И невольно пошла пилим в
бомбу немом. Ну, потом пришла
шампа и мне сильно мерно. В себя
и очень восприняла, но только дух
свой и не могу переосмыслить. Судит
как затишье поребанья. В шаржуре
у нас очень странно каждались.
Зеленые. На улице оставь не
2 минуты, что-нибудь и уже ук-
радут. И я вообще боюсь как бы из-
за еды дело не дошло до убожства.
Роды бы скорее наши соседи уехали
13/14 у Ники Варгиной мама летит от завода
при смерти и нам мама ой чего-то нур-
нет. (Вой сичас тоже идеи арсенальные
оберег. Уже в вою немки нестранишь,

92
а она только теперь обведетом.) У меня
тоже все время в голове губиво
ураганов: чего-то не знаешь.
Три дня внаряд и видела во сне,
что поучало меня ой кем. Не могу
думать ни чего с ней. Я за ней беспокоюсь.
А днем все время думаю о маме. Как
урагану сны икрайне, как кошмар,
что это ой. Мне не знаю с чего это.
Сводки у нас сильны горючие и в
голова немом ой радостно. Вроде
я в доме дома и равнее уверна.
Но с радужными у нас не лучше.
Моды уездной, как мухи, а душой
не падает. Ленинградцы - это геран.
Это название больше чем известно.
Роды бы на Ленинградском фронте
не поехали! Роды из тех войск не вы-
шли, но много нам мало. Но скоро,
скоро мы поведем геранью.
Наконец в домике всего метррад.
св. все-таки акневно всем дробнее
только вокруг дробно метрад.
Сильнее тебе; мой метрад.

1) Свадьба в Машиновке.	24) Моединское озеро.
2) Веселая вдова.	25) Паром
3) Милостива Завар.	26) Северный Океан.
4) Сетный тигр.	27) Палан и Могуча.
5) Вдова - Марси.	28) Марица
6) Паризская жизнь.	29) Стартовый
7) Собака на сене.	30) Равеншаринин Кутузов
8) Весенний счет.	31) Мещанин во дворянстве
9) Соловьиное гнездо.	32) Бургера
10) Мачеха.	33) Свадьба Рогаро.
11) Жандрей (отчество).	34) Юный человек
12) Табачная серебристая.	35) Вульф.
13) Без вины виноватые.	36) За океаном
14) Слуга двух господ.	37) Птица
15) Медведица.	38) Угалецкий барон.
16) Трубадур.	39) Сирани де Вержерак
17) Запутанный невеста	40) Черное домино
18) Из помидорных в капусту.	41) Свадебное путешествие
19) Мое.	
20) Песнь цыганка (цыганская свадьба).	
21) Валентинская вдова.	
22) Весенняя Франда	
23) Сивла.	

23/ХII-4/2

Отец неохотно писал. Меня удивил
 моя цель. У нас были такие утвари,
 что стоило это все записать, а я отец
 написав. Но записку жонк фактор.
 У нас в квартире второй покорил
 от гоним. Но как он знает это просто
 утвари. Настоящая правда. Дело в том,
 что на первое мужик: отец и два сына.
 Отец крестовый и сидит на все у себя.
 Он сидит дома и получает ижевскую
 карточку, а Мурка работает и воя фанельки.
 Он уже давно начал учить, а Мурка
 очень жалеет его. Стрелит что-нибудь из
 стальной на свою карточку и все отцу,
 да и воя из ременного приносил
 начал свой дом. Мурка все жонк
 спасил его и прошил воя гоним
 конку, чтобы накармлил отца (так он
 и не достает конку). Мурка бедный и
 мим совсем извелся: все время голодный,
 да отец все не слушается и он все
 время мари. В. Н. стало совсем плохо,

и Мурик горел в провалы подавал ему
свечки. Наконец, он уже сам сидел в комнате
в кор. тогда он сидел упрямый и так:
"Видишь, я тебе спасаю до тех пор пока
можу, а теперь ты сам иди и с бабками
не могу. Я сам иду. Уйди из дому и
свечи в магазине, тебе возьми скорая помощь
и тебе и мне будет лучше." Мы все в
квартире советывали так же. И вот А. Н.
вышел на кухню и стал собирать усадку.
Боже! Какая жуткая картина! Выпьем кончик
своего семейного любимого вина, почти
императорского, из дома! Молодые люди осудить
его мы совсем не можем. Но иначе
некуда не было, иначе бы через несколько
дней погиб бы Мурик. И так и уживалось
на него, он забавился об этом до последней
минуты. Я бы лично гораздо раньше сидел
сидя спасаю. Но что нам сидеть вы-
пьем А. Н. из квартиры своего создания
невозможна. Мы собрались целой квартирой и
просили его уйти. А ему нездорово уходить
из твоей кухни. Мы ему говорили вадке

2
здоровьем, а он хоть бы что: он уже
одурился от гонимых. Мурика бедный человек
непреставая и говорил: "Видишь, лучше не
возвращайся: все равно мирно бабкам сидеть
не дам." А он отвечает: "Нет, нет, Мурик,
нет, не вернусь". Наконец в восемь часов
он поправился со всеми в номере с
Муриком. Мурик проводил его до Стусефоро
и ушел домой. Бабушка он домой не вернулся.
На следующий день пришла медсестра и
сказала, что в десерт верела А. Н. Казанов
умер в 34-е поименно. Значит мы из
дому наша поименно, сам он через
два часа умер. Он на нас всех произвел
очень большое впечатление. Мурик тоже
поименно совсем оупутился, но мы его
всей квартирой вытеснили, поименно едем
пугаться вонка, но о нем заболел рече-
тельное умиление. Поименно А. Н. умер голод
поименно нашу семью. Тама рече и
совсем вслаб, даже из ст. крепости не мог
дойти до дому. И все теперь и маркет
и говорят, что он умер. Мама бедная

первые дни спешаю, а потом сидела
все время на кровати и теребила. Нам его
не спасли. Мне тоже страшно, потому
что я вижу как человек уходит от жизни.
У нас была картина и в это время
мне гостила Катя. Мамы и сидела дава-
ла мне добрые советы и Т^ткомы. И
это его спасло. Он у нас на кровати спал
оставаясь. И слова Лору! пока что он
мирно, как будто спит под мозгом сеном.
За эти дни пока мне было много и боя-
лась как бы мама не плакала, потому
что я видела как она плакала и сразу
постарела. Это было ужасно, что нас
время; все стало так тяжело, но
сейчас у нас стало легче. Как только
когда осознаю, что под такой тяжестью
смерть! Мама с мамой буквально выжила
нашу из нас смерть. У нас за нас жажда
на смерть и если у нас в Ленинграде не
станет легче с продуктами, то мы все
погибем. И люди идут как мушкетеры и
все добрые мужчины. Моей не хочется

дожить и не мешать и дожить. Кому
покажется без труда и дожить в стра-
шною минуту. У нас сейчас каждый день
идет человек. Такой человек
уже никогда точно не переживал и
вернее не будет переживать. Надо да-
же бороться - что в это время -
и то и другие ясно. А иногда не
думаю, что это время так ужасно, а
сейчас все люди работают, никто не ест
и это тяжело, но уверенно. Пусть мне
23-й умир и мама с мамой. Кругом умир.
Сейчас у нас чужие - чужие погубят.
Странно все и потому на то,
что никто больше все время прибавляет
Новый год в гонимой стране, а
время, что мне надо его будет
летать в комнате. Моей погубят
будет гонимый каждый год.
Когда мне бывали тяжело, то я всегда
вспоминаю Лору. Как мне ее погубят!
Если бы она здесь была мне было бы
гораздо легче. И я ни на что не могу

одного письма. Хотел бы одно маленькое
письмишко! Я бы знала, что она пишет.
Когда я ее увижу! Мне ее так хочется
увидеть. Мне сейчас бы порадо меня и
я бы успокоилась, если бы получила письмо.
5/5-42

Моя правда была узнана. Я получила
от вас телеграмму в самый Новый Год.
Я так была счастлива, что она пришла
и не забывай меня. И в то же время
мне было стыдно, что я обидела и
послала телеграмму еще к тому же
рождения, но так до сих пор и не
получила. Стесняюсь и пишу вам в этот же день,
а телеграмму пришлите до сих пор не
получила. Но я обязательно ее получу.
Но и это не то — я хочу ее видеть!
Хотел бы по мне вернуться она мне,
но я ее точно не вижу, а вижу каж-
дый день по мне Володы Гуси.

Мне было странно жить в одиночестве,
и мне казалось, что там очень много.
Когда я пришла в память, мне было

4
ничего. Тамань и семья уехали. Дочь
была в каждую ночь с 9 вечера до 9 утра.
Это очень уютно, но и привычно и жаль
сейчас больше жаль под мозгом. Женя,
правда, у нас новое помещение и я
депутат но день, но ночь. Это хорошо.
Ваша у меня маленькая: всего двадцать
человек. Хотел бы мне сейчас, уполномочен и
в конце концов я так люблю это дело,
что не знаю, как и буду продолжать на
забот, а все равно так люблю,
так привык к ним и чувствую себя
в них очень свободно и хорошо. Мне как
хочется, чтобы они все остались, живы! и
особенно те, которые сейчас много. Среди
рабочих мне больше привыкли двое:
они родились здесь и совсем
моя? Вернее всего. У Володи расстреляна
нога и он ходит на костылях, а у
Ваня расколол череп и сошел с ума.
Сейчас Ваня пишет на почту, а Володя
наверное скоро переведут на 3ий этаж,
в отдельное место работы. У Ваня за-

тут же жив в ванной часик иди и мне
замасажь ее. Я уже не работаю по арж.
обдумываю. Собираюсь, слова беру, уже давно
мне и дай до, иногда бываю не знаю.
Вам не придется никак опровергать мысли.
Но это выразит словам невед. Надо
это все не забывать на своем уровне
иногда можно изменить все уже
неизвестного. Нам. В мире все - так
неизвестно, потому и мой это не известно,
и неизвестно. А, так же неизвестно, что и это
не известно.

23/5

Мама! Бегите мама! Я дома не знаю,
кто знает. Думала и я, что и не известно
никогда! Да, если бы такой язык как у мамы
а то... Я дома не знаю, как мы будем
с мамой жить. Проклятый язык! Проклятый,
за что? За что? Такой не знает на что
идти. Ну, что я только сказала. Мы все
с мамой мы о чем не думаем, а только, что
мы будем жить без него. Он уже жил

7
мать тогда еще пришла домой а работала.
"Вам и в работу, жить, жить". Он пришла
домой в неизвестном, состоянии. Он
никак не с работой домой, но много без
своими силами. А мы с мамой не
сидим уже много времени с
на работу. Перед уходом и его так
прошла: "Мама, если нужно не надо, но
просто ты работаешь домой" и он
уже знает, что если с ним, что
сидит знает судьба. И мы - мы с
мамой всегда о нем так забываем,
а мы не забываем. В другой день он
домой с работы не пришла. На
другой день мама в 2 часа дня
пошла на работу и узнала, что
он все еще в оренском состоянии
и не мог жить дома. Наверное он
на работе, а утром не знает мамы, но
не знает и в 2 часа дня тогда дома.
Мама - дома и там его не знает. Наверное
мы его не знаем, куда он идет, что с ним -
мы не знаем не знаем. Жив он, или нет? Может

почему нашему папе, такому хорошему,
папаше такая судьба: умереть не дома, а где-то
на улице. Мне даже не удалось право его
похоронить, тогда как всегда, дай только, но засу-
грам своим бы умереть как собаку, хоронят
свои родные и довольно-таки красиво. Ну,
и все-таки я не верю, что я навсегда уйду!
А вдруг вы вернетесь домой? Неужели я его никогда
больше не увижу? Как перевернется моя всякая
жизнь. Кто мы с мамой будем теперь. Как нам
будет хорошо, как нам будет все лучше его не
догонять! Неужели у меня без добрых мам?
Мам, мам я не верю. Может быть мне его
уже и найдут. Но мама надеется во мне чуть
птимистка. Я не верю, но и симпатична с мамой
не могу. У вас что случилось из нас, маме
разошлась, прокурилась жизнь! Прокурилась! Прокурилась!
Маме поздравить невед. Вот мы же не уйдут, а
какие. Это даже трудно себе представить, как
мы живем, это можно представить только в своем
мозге. Ничего нас не поймет, надо это все
написать, чтобы потом все узнал мамин брат.
И мама, и мама, и мамин брат, и мамин брат, и

даже не мамин брат, а просто брат. И даже,
уже перебрала надежды на удачу и маму
уже совсем без надежды маму, как похоронят
как абстрактно. Может быть убоина нас, что мне
уже не стоило бы жить. Но нас совсем
привыкли к жизни и мне уже даже не
хочется, и не знаю, как жить. Но нас привыкли
и в буржуазном и в переносном смысле это
есть. Вот бы скорее жить! Тогда бы одно
было счастье с нас - покой; но до жизни
уже давно привыкли не спать, дай только им бы.
Вот им. Как каверная жизнь. И никогда этого не
думаю, что можно жить, до такого счастья,
что каждого дадим им. ~~Мам~~ маме все зря.
Там во всю еду человек, как и собака
уже давно все, как. Скажики каковы-то по-
среде мамы - не знаю, не умею почитать.
Вот бы похоронить по городу маме не разрешают,
уже совсем маме много, а маме в
смысле. И маму не о чем не думать, как,
привыкли к жизни под удивительно маму не
хорошо не охота ни думать, ни думать. Когда? Когда
дочери будет покой? Вот мамин несчастливый покой.

даже и он меня не интересует. И мне кажется
смерти совсем нету и инстинкт. Мне
темпер все равно, тембро бы была отчаяние
жизни. Вот мне единственное желание.

Все интереснейшая тема и не пошла: дружба
хочу, дружба давно уже не пошла, а руки и
ноги не собираются пошевелить. Но я знаю, есть
проблема. Я мне пишу пишу.

Я все работаю в больнице. Но разочаровываюсь,
но мне очень нравится моя работа. Я работаю
здесь и пишу и пишу. Дома пишу не
много. Возвращаюсь с больницей из друзей
назад. Подружился с врачом - хирургом Абуль.
Кановым. На работу смотрю как на врача и
считаю не до него. Считаю совсем раскисла моего
спина и шеи.

8/II-42.

Которая мне сегодня так не хочется читать
в больнице. Фрихоту и узнаю, что из больницы
эвакуированы 200 человек, в том числе и Володя
и Коля. Ну как пишу еще ничего, но Володя...
Мне очень грустно. Я никак не думаю,
что мне раскисаюсь с ними так сильно.

104
Мне нравится как вы говорите с украинскими
акцентами, нравится от моего поведения как у
вас же, нравится его поведение, красивые
темные глаза. И мне видно, что я его
моя бы была бы лучше, но не у вас же.
Не знаю, куда вы и куда вы, куда вы
идете. Если вы идете в Симферополь,
другой в Симферополь. ~~Есть~~ И вы идете в
много людей, как и у меня на работе и
много и грустно. Мне очень хочется
Которо что еще Саша Горюнов здесь, есть
Жан и Жан своим переживаниям.

Ваша работа давно уже не интересует
и пришла в сознание. Я это сама
моя в украинский язык.

Ваша же тема и не пошла; да и
где же найти? Легко понять, что мне
даже не удается. Мне же не удается
себе беззаботной девочкой; на своем месте
и все время чувствую себя так: забываю о
матери и о себе (на своем образе о маме). Маме
моя лучше, но я уже никак не могу
и. Я даже на не не обращаю внимания.

16/II-43г.

Здравствуй дорогущая!
А так давно не писали тебе.
Не правда ли, ведь ты не обиделась?
О тебе я вспоминаю все время.
Лосил я здесь совершенно здоровым все
я не читал ^{уже} в той книге и читаю
совершенно не отступать, в часы досуга
я думаю о тебе о Ленинграде, и
плету раскаты ~~и~~ записываю.
Так прочти одну из них.

Посвящается Людмиле

Идет уже третий год
Как я из Ленинграда
Уже третий год не вижу я тебя,
Не вижу я любимые места
Которые так рано навещали вдвоем,
А иногда и в четвером.

Не вижу третий год

Товаров и покупок

Учителей, знакомых и ребят,
С которыми так весело ты была,
Которые нас искренне любили так.

Но помнишь были и такие,
Которые забывали нас,
Забывали нам, что мы там присутствуем
Что ты играешь, а не по,
Что ходили танцевать гулять
И за того же и за той.

Помнишь, как с тобой любили
Ходить по берегам Невы
Мечтать о будущем, о счастье,
Которые нас ждали впереди.

Мы говорили о модистках
Серах, книгах и ребятах,

И весело с тобой игрались

Нам ревности и зависти не хватало.

Окончили мы восемь классов
Должны мы лето было отдыхать,
Но произошла суровая война
Нелегально вместе — это начинало воевать.

Но даже так было, а мне
Из города пришлось уехать
Так не видела я тебя,

А посадить - сама ты знаешь
Друг друга и забудем никогда!
Хоту и третий год и вужу зря
Но знаю - ~~мечты~~ мечты, прощания и любовь
Вернутся снова. Все оживет!
Мы расцветем опять!
И встретимся тогда мы снова!

Прощу тебя не судить очень строго
Но твое письмо - для меня всё-все.
Так что прошу со выказаться
и как можно по быстрее.
А знаю что не досажу
Но все-таки не
что канцелярия
горюю.
И пишу
Чащу

30 КОП. ПОЧТА СССР
ЛЕНИНГРАД
29/12/37
СССР
ЛЕНИНГРАД

Ленинград 3.
ул. Вяткина д. 22. кв. 6.
Аржаново Людмила.

№ 10 Воронцова
тулова

«МЫ УЖЕ НЕ ПОНИМАЕМ ГОРЯ...»
блокадный дневник Людмилы Аржановой
(4 октября 1941 — 18 января 1943)

Научный редактор
(вступ. ст., публ. и коммент.) – *Татьяна Сохор*
Обложка – *Ольга Токарева*
Верстка – *Ольга Марусава*

Издательство «Радуга» (издатель ИП Преловская М.И.)

Подписано в печать 20.09.2020

Формат 60×90/16. Печ. л. 5

Отпечатано 123book.ru
Санкт-Петербург, шоссе Революции, 102
www.123book.ru